Раньше одноклассники болтали и шутили за едой исключительно о нём самом, теперь же он сам сплетничал с ними о других. Контраст был слишком разительным, неприятное чувство от того, что у него отобрали статус главного героя, забродило в душе и очень быстро вышло из-под контроля.

— Эх… — Линь Фэйжань захлопнул донельзя привычную тетрадь по математике, со вздохом извлек сборник лучших сочинений старшеклассников и, набравшись храбрости, принялся за чтение.

Нельзя же вечно проигрывать так позорно!

В восемь часов вечерняя самоподготовка закончилась, и пора было возвращаться в общежитие.

Обычно соседи по комнате ладили между собой, поэтому они парочками, весело переговариваясь, шли в сторону общежития. И только Линь Фэйжань и Гу Кайфэн двигались порознь: один — по левому краю дорожки, другой — по правому, словно между ними пролегала целая река. К тому же Линь Фэйжань шел по бордюру, возможно, пытаясь казаться выше.

Поначалу их скорость была примерно одинаковой, но постепенно Гу Кайфэн словно ускорил шаг. Линь Фэйжань почувствовал, что тот немного отстал от него, и, охваченный желанием не проиграть, тоже прибавил шагу, обогнав Гу Кайфэна всего за несколько секунд. Гу Кайфэн слегка скосил на него взгляд, словно забавляясь, тоже прибавил шагу и снова обошел Линь Фэйжаня. Тот возмутился и опять ускорился…

Внезапное спортивное хождение!

Однако Гу Кайфэн был высоким, с длинными ногами, и обладал природным преимуществом. Линь Фэйжань быстро понял, что ему не догнать соперника, поэтому, потеряв голову от досады, со всех ног бросился к общежитию.

Гу Кайфэн посмотрел вслед улепётывавшему пулей Линь Фэйжаню, одновременно разозленный и позабавленный, и тихо выругался:

— Черт, больной, что ли?

Мимо как раз проходил сосед Гу Кайфэна по парте Ван Чжо и между делом поинтересовался:

— Чего это вы?

Гу Кайфэн был с ним в относительно неплохих отношениях, поэтому ответил:

— Сдается мне, мой сосед по комнате — настоящий мелкий дурачок.

Ван Чжо усмехнулся:

— Почему с приставкой «мелкий»?

Гу Кайфэн скосил глаза на рослого Ван Чжо ростом метр восемьдесят один и бросил:

— Ростом он не вышел, и что?

Ван Чжо поддразнил его:

— Звучит как прозвище.

Гу Кайфэн холодно усмехнулся:

— Прозвище? Хочешь, я буду так звать тебя с сегодняшнего дня?

Лицо Ван Чжо вытянулось:

— Не хочу.

Всю дорогу до самого общежития Линь Фэйжань только и думал о том, насколько идиотским выглядел его недавний поступок.

Из-за охватившего его смущения, когда две минуты спустя вернулся Гу Кайфэн, лицо Линь Фэйжаня стало еще холоднее обычного…

Он пытался скрыть чувство неловкости ледяным выражением!

Гу Кайфэн уже не злился на этого мелкого дурачка — у него просто не осталось на него эмоций. Опершись спиной о дверцу шкафа, он посмотрел на Линь Фэйжаня и с улыбкой спросил:

— Чего это ты со мной с таким кислым лицом? Ты же вроде только что победил?

Линь Фэйжань:

— …

Хотя в ту минуту он действительно руководствовался мыслью обогнать Гу Кайфэна, выслушивать вслух столь глупое побуждение было невероятно стыдно!

Да, Линь Фэйжань и сам понимал, что вел себя глупо…

Но ничего не мог с собой поделать!

Линь Фэйжань покраснел, холодно зыркнул на Гу Кайфэна и уже собирался отбрить его, как вдруг в кармане брюк зазвонил телефон. Достав его, Линь Фэйжань вышел за дверь комнаты и, взглянув на экран, замер на мгновение. Это был мобильный номер отца, который тот использовал в стране. Месяц назад отец уехал в Европу и обещал вернуться проведать его через три месяца, он никак не должен был так быстро приехать обратно.

Линь Фэйжань поспешно ответил на вызов:

— Алло, пап, почему у тебя этот номер? Ты вернулся в страну?

Голос Линь Чэнъюя донесся из трубки, звуча несколько тяжеловесно:

— Фэйжань, твоему дедушке совсем плохо.

Сердце Линь Фэйжаня внезапно обледенило. Помолчав пару секунд, он глухо отозвался:

— Угу.

Линь Чэнъюй сказал еще несколько слов, сводившихся к тому, что раньше болезнь удавалось успешно сдерживать, но почему-то внезапно произошло ухудшение. Завтра утром он приедет в школу, чтобы оформить Линь Фэйжаню отгул и отвезти его в родную деревню, чтобы тот успел

попрощаться с дедом в последний раз, и всё в таком духе.

— Хорошо, я понял, пап.

Обменявшись с отцом еще парой фраз, Линь Фэйжань повесил трубку.

Вернувшись в комнату, он выглядел бледным, но его кожа и без того была светлой, поэтому изменения почти не бросались в глаза. Гу Кайфэн по-прежнему стоял, прислонившись к дверце шкафа в той же позе, что и до ухода Линь Фэйжаня. Казалось, он не собирался отступаться от темы, смущавшей соседа. Едва Линь Фэйжань переступил порог, тот допытывался:

— Я тебя спрашиваю, ты со мной наперегонки бежал? Тебе сколько лет?

У Линь Фэйжаня и так было скверное настроение, а Гу Кайфэн еще и подливал масла в огонь. Сжав кулаки, Линь Фэйжань зыркнул на него и процедил:

— Отвали.

Видя, как Линь Фэйжань взбесился от его подначек, Гу Кайфэн холодно хмыкнул, пожал плечами и взял таз, чтобы умыться.

Линь Фэйжань снял школьную форму и нырнул под одеяло, натянув его с головой. Мысль о том, что его дедушка, возможно, совсем скоро превратится в черно-белую фотографию в рамке и маленькую коробочку, внезапно вызвала в груди невыразимую горечь и пустую тоску.Линь Фэйжань был очень привязан к дедушке. До семи лет он жил с дедушкой и бабушкой, а потом переехал в город, где работал отец, чтобы пойти в начальную школу. Однако каждые зимние и летние каникулы он возвращался обратно и проводил там какое-то время, пока в средней школе учеба не стала слишком напряженной, из-за чего он постепенно перестал ездить в родные места. Дедушка Линь Фэйжаня был настоящим озорником: он не только рассказывал внуку жутковатые истории про призраков, но и водил его целыми днями бегать по горам и долам. Весной они ловили в траве сверчков, удили рыбу и собирали креветок в озере; летом ковырялись в грязи у речного русла, строя плотины, а когда надоедало — раздевались до пояса и плыли купаться; осенью выкапывали парочку свежих сладких бататов и запекали их в печи-яме, а едва вынутые горячие и ароматные клубни они, громко дуя на них и перекидывая из руки в руку, быстро-быстро ели; зимой же дед смастерил самодельные санки и скатывал на них Линь Фэйжаня с небольшого холма… Обычно Линь Фэйжань не вспоминал об этом, но сейчас воспоминания бурным потоком хлынули в голову, сметая все на своем пути. Забравшись с головой под одеяло, Линь Фэйжань скривил губы, уткнулся лицом в подушку и заплакал.

Он не помнил, как провалился в сон — должно быть, так и заснул в слезах, думая о дедушке, поэтому на следующее утро проснулся в скверном состоянии.

Было уже половина седьмого. Внизу Гу Кайфэн как раз переодевался: он только что снял пижаму, но еще не успел надеть школьную форму, демонстрируя весьма привлекательную фигуру.

Линь Фэйжань поднял руку и потер опухшие веки, сообразив, что сейчас выглядит, пожалуй, не лучшим образом, поэтому встал с кровати, зашаркал тапочками и решил сначала умыться. Когда он с тазом для воды в руках проходил мимо Гу Кайфэна, взгляд последнего, словно два гвоздя, накрепко впился в его скорбное, похожее на пампушку личико.

Линь Фэйжаню стало страшно неловко, он поспешно опустил голову и быстрым шагом вышел из спальни.

Мужественные брови Гу Кайфэна озадаченно сошлись на переносице:

— …

Неужели пара вчерашних шуток над ним стоила того, чтобы реветь?

Чего Гу Кайфэн не знал, так это того, что в его глазах Линь Фэйжань уже превратился в нежную и хрупкую принцессу на горошине.

Хотя в каком-то смысле так оно и было…

В восемь часов утра Линь Фэйжаня, сидевшего на утреннем самоподговании, вызвал классный руководитель.

Линь Чэнюй уже ждал у дверей класса. Классный руководитель утешительно похлопал Линь Фэйжаня по плечу и произнес:

— Иди.

Очевидно, отгул был уже оформлен.

Линь Фэйжань кивнул и вместе с Линь Чэнюем вышел за ворота школы.

Линь Чэнюй вел машину быстро, и уже через два с небольшим часа они добрались до места назначения.Это была знакомая Линь Фэйжаню сельская местность: аккуратные ряды полей, бурлящая полноводная река, бесконечные зеленеющие дали и старый дом, слегка обветшавший от дождей и ветров. Стоило ему толкнуть калитку, как Дахуан — большая желтая собака, которую Линь Фэйжань вырастил еще в младших классах, — со всех ног подбежала к нему, врезалась в голень и, виляя хвостом, радостно принялась лизать пальцы маленького хозяина.

Дедушка Линь Фэйжаня лежал на постели в спальне на втором этаже старого дома. Его сухое, иссохшее тело походило на обломок старого дерева. Старик лежал с закрытыми глазами, лицо его было безмятежным, и на нем не читалось ни малейшего следа боли или страха. Линь Фэйжань быстрыми шагами подошел и опустился на край кровати, взял ледяную руку деда и зажал в ладонях, словно пытаясь согреть ее собственным теплом. Не успел он и слова сказать, как глаза юноши снова покраснели.

По сравнению с сыном, реакция Линь Чэнъюя была куда более сдержанной. Он просто стоял у

кровати и молча смотрел на старика, а его взгляд казался настолько спокойным, что граничил с холодностью.

Линь Фэйжань не удивился столь равнодушной реакции отца. Он знал, что отец вернулся лишь из чувства сыновнего долга и обязательств, а вовсе не потому, что питал к дедушке искреннюю привязанность. По меркам современного общества Линь Чэнъюй принадлежал к числу типичных «городских зятьев из низов», выбившихся в люди: талантливый студент, в которого вложила силы вся семья, после поступления в университет женился на первой красавице своего факультета. Их с женой чувства всегда были крепки, и теперь они оба могли похвастаться успешной карьерой.Линь Чэнъюй с малых лет упорно учился и был амбициозно настроен: он изо всех сил стремился выбиться в люди и уйти из этой маленькой деревни. Однако его отец-шарлатан вечно норовил передать сыну своё ремесло. Если бы не яростное сопротивление остальных членов семьи, которые изо всех сил отговаривали главу семейства и настаивали на том, чтобы мальчик получил высшее образование, Линь Чэнъюй сейчас наверняка бы последовал воле отца и зарабатывал на жизнь шаманскими плясками, призывом душ и выбором мест под могилы в родной деревне. Наверное, ему даже на жену было бы трудно заработать.

При одной мысли о подобной перспективе всегда отличавшийся сопернического духом Линь Чэнъюй ощущал, как по телу пробегает холод. Но его отец не только не осознавал собственной неправоты, но и затаил обиду на непослушного сына, считая, что отказ Линь Чэнъяня наследовать его ремесло обрывает их семейное дело. Из-за этого до самого рождения Линь Фэйжаня старик почти не разговаривал с Линь Чэнъюем. Лишь когда на свет появился этот живой и милый внук, отношения между отцом и сыном немного смягчились — по крайней мере, внешне они худо-бедно примирились.

Линь Фэйжань не слишком подробно знал о делах старшего поколения: он лишь смутно понимал, что отец поссорился с дедом из-за выбора жизненного пути, а в детали не вдавался.

В этот момент дедушка Линь Фэйжаня проснулся.Глаза старика были ясны и чисты. Сначала его взгляд задержался на лице Линь Чэнъюя и слегка нахмурился, но тут же переметнулся на Линь Фэйжаня.

— Дедушка! — вскрикнул Линь Фэйжань. Он быстро смахнул слёзы и изо всех сил постарался изобразить на лице жизнерадостную улыбку, не желая, чтобы дед почувствовал, что он вот-вот умрёт.

Края губ старика дрогнули в улыбке. В помутневших прежде зрачках отразился свет из окна, отчего они казались очень яркими, и на мгновение выражение его лица стало до странности похожим на озорную физиономию провинившегося ребёнка.

— Фэйжань, — старик похлопал Линь Фэйжаня по тыльной стороне ладони и ни с того ни с сего выдал: — Похоже, эта штука достанется тебе.

Говорил он громко и уверенно, каждое слово звучало чётко и звонко — совсем не похоже на человека, которого изнуряет тяжёлая неизлечимая болезнь и чей час уже близок.

Линь Фэйжань подумал, что у дедушки осталось какое-то наследство, о котором тот хочет распорядиться, и счёл этот разговор дурной приметой. Пытаясь сменить тему, он спросил:

— Дедушка, как ты сейчас себя чувствуешь? Хочешь глотнуть воды?

Старик отмахнулся и заговорил сам по себе:

— Эта штука мне неподконтрольна… Тот сопляк так сильно ненавидит старого меня, что к нему она вряд ли перейдёт. Но в семье Старого Линя, кроме него, остался только ты — один-единственный побег. Если не тебе, то кому же ещё?..

Линь Фэйжань смутно догадывался, что под «тем сопляком» и «им» дедушка имел в виду Линь Чэнъюя, но даже при этом он совершенно ничего не понимал.

Дедушка тяжело вздохнул, и его голос постепенно затих:

— Фэйжань, что бы ты ни увидел, не бойся… Все люди умирают, а мёртвые когда-то тоже были живыми, между нами на самом деле нет никакой разницы…

Линь Фэйжань в растерянности нахмурился:

— Дедушка, что ты вообще имеешь в виду?

Старик приоткрыл рот, словно силясь вымолвить какое-то конкретное слово, но после нескольких бесплодных попыток, покрывшись испариной, бессильно откинулся на подушку и вздохнул:

— Всё равно не получается… Видно, небесную тайну нельзя раскрывать…

Услышав эту странную, полную мистического бреда речь старика, Линь Чэнъюй сжёг в глубине глаз мимолётную вспышку раздражения. Он ни на йоту не верил во всю эту чушь о духах и божествах, но угораздило же его родиться у такого отца.

Линь Чэнъюй как раз погружался в тревожное оцепенение, когда вдруг услышал рядом громкий, надрывный плач Линь Фэйжаня, и только тогда осознал, что его отец скончался.

Линь Фэйжань крепко сжимал руку дедушки и безутешно рыдал, совершенно не заметив, как за закрытыми веками уже угасшего деда внезапно странно и жутко шевельнулись глазные яблоки…

В тот же миг пронизывающий до костей холод перебежал с исхудалых пальцев деда прямо на ладонь Линь Фэйжаня, змейкой проскользнул с ладони и стремительно пронёсся по всему телу парня с головы до ног. Линь Фэйжань вздрогнул от холода, на секунду замер, но не придал этому значения — опустив голову, он снова горько заплакал.

В сельской местности обычаев и правил похорон было немало, и вся церемония должна была растянуться на несколько дней. Линь Чэнъюй не хотел портить сыну учебу, да к тому же главной целью было позволить этим двоим, привязанным друг к другу внуку и деду, увидеться напоследок. Раз эта цель достигнута, то и задерживаться незачем, поэтому ближе к вечеру, когда эмоциональное состояние Линь Фэйжаня немного стабилизировалось, Линь Чэнъюй отвёз его обратно в школу на машине.

В машине Линь Фэйжань уже сумел сдержать слёзы. Сидя на пассажирском сиденье, он обхватил себя руками и, посидев так какое-то время, протянул руку и посильнее прибавил печку.

Линь Чэнъюй:

— Замёрз?

Линь Фэйжань тихонько угукнул.

Он и правда замёрз, причём ужасно. С десяти часов утра, когда дедушка ушёл, Линь Фэйжаню казалось, что внутри его тела бродит какая-то неуловимая ледяная волна, из-за которой его постоянно пробирала дрожь.

Линь Чэнъюй кивнул на куртку, лежащую на заднем сиденье:

— Накинь.

Линь Фэйжань накинул отцовскую куртку и под струями теплого воздуха почувствовал себя чуть лучше, но это зябкое, мрачное ощущение всё еще следовало за ним по пятам и не исчезало до конца. Закутавшись в одежду ещё плотнее, Линь Фэйжань свернулся калачиком на пассажирском сиденье и заснул.

К моменту прибытия в школу уже шла последняя дневная пара. Линь Фэйжань вместе с отцом перекусил чем-то наскоро в окрестностях школы, а затем в потоке спешащих учеников вошёл в школьные ворота и направился в общежитие. Чувствовал он себя отвратительно: голова была тяжёлой, в ногах чувствовалась слабость, к тому же накатывали приступы тошноты — всё говорило о том, что у него поднялась температура.

За то недолгое время, что он шёл до комнаты, состояние, похоже, еще больше ухудшилось. Щеки Линь Фэйжаня горели так, будто их опалили огнем, в глазных яблоках отдавалась пульсирующая боль, а тело пробирало мелкой дрожью от холода. Не снимая школьной формы, он стянул с кровати толстое ватное одеяло, завернулся в него коконом, а затем принялся лихорадочно рыться в тумбочке в поисках градусника.

Пятью минутами позже, когда Гу Кайфэн вернулся в комнату, перед его взором предстала следующая картина: этот обычно напыщенный и вредный парень сидел в кресле-качалке, укутавшись по самую макушку в огромное ватное одеяло, с удручённым видом глядя на показатели термометра. Его красивое лизко раскраснелось от жара, глаза блестели от влаги — то ли от болезни, то ли от недавних слёз. Весь его облик излучал такое жалкое, обиженное выражение, что он был похож на бойцового петушка, которому только что догола общипали хвост.

Гу Кайфэн вообще-то заглянул в комнату лишь за справочником, но, увидев, что Линь Фэйжань так сильно заболел и при этом пропустил целый день занятий, он всё же спросил:

— Сколько градусов?

Линь Фэйжань, соображая с трудом из-за жара, рассеянно бросил:

— Тридцать девять… — не договорив, он вдруг сообразил, что сболтнул лишнего, судорожно оборвал фразу, собрал остатки сил, закатил глаза и выдавил слабо:

— Какое тебе дело?

Гу Кайфэн проигнорировал его выпад и поинтересовался:

— В медпункт пойдёшь?

— Не пойду! — Линь Фэйжань изначально и сам бы не прочь туда отправиться, но раз Гу Кайфэн спросил, он решил сделать всё наперекор. Шатаясь, он поднялся с кресла, тут же присел на корточки и, волоча за собой кокон из одеяла, вытащил из-под кровати коробку с лекарствами. Долго ковыряясь в ней, он так и не нашёл средство от простуды — видимо, выпил всё в прошлый раз или выбросил по истечении срока годности.

— Что ищешь? — Гу Кайфэн, скрестив руки на груди, прислонился плечом к косяку двери.

Линь Фэйжань пнул коробку обратно под кровать и хрипло проворчал:

— Ничего я не ищу. Ты сегодня слишком разговорчив.

Ему казалось, что выглядеть таким жалким и растрепанным перед заклятым врагом — верх унижения, поэтому он страстно желал сделать вид, будто ничего особенного не происходит, чтобы дождаться ухода Гу Кайфэна и уже потом спуститься в аптеку.

С этими мыслями Линь Фэйжань швырнул одеяло на кровать и, воображая себя невероятно ловким, но на деле передвигаясь медленно и неуклюже, словно черепаха, полез на свою верхнюю полку. Однако едва забравшись наверх, он мучительно изогнулся в беззвучных позывах к рвоте. Ничего не вышло, но тошнота не отступала. Линь Фэйжаню пришлось спускаться обратно, нашаривать чистый маленький тазик, ставить его у изголовья, а затем снова неторопливо карабкаться наверх. Весь этот процесс занял ровно три минуты, и со стороны он до боли напоминал ленивца…

Гу Кайфэн стоял внизу и молча наблюдал за этой эпопеей от начала и до конца:

— …

Этот маленький тупица успешно пробудил во мне отцовские чувства.

Именно так подумал Гу Кайфэн.

В результате несколько минут спустя возле подушки Линь Фэйжаня обнаружился пластиковый пакет. Внутри лежали стаканчик с обжигающе горячей пшённой кашей, бутылка питьевой воды, корочка таблеток от простуды и пластинка жаропонижающего.

Гу Кайфэн негромко бросил:

— Эй.

Линь Фэйжань выглянул из-под одеяла, уставился на припасы и с недоверием переспросил:

— Это ты оставил?

Гу Кайфэн:

— Нет.

Линь Фэйжань:

— Тогда…

Гу Кайфэн насмешливо изогнул губы:

— Дед Мороз принёс.

Линь Фэйжань:

— …

Видя, что тот молчит, Гу Кайфэн добавил:

— Может, тебе в носок их засунуть?

Раз уж человек проявил такое великодушие, Линь Фэйжань, который на самом деле был человеком страшно злопамятным, тоже не хотел выглядеть совсем уж мелочным. Поборовшись с собой, он с напускным неудовольствием пробормотал:

— Спасибо.

Громкость этих двух слов была примерно на уровне мысленного импульса…

Но Гу Кайфэн всё равно расслышал. Он великодушно отмахнулся, развернулся и ушёл на вечернюю самоподготовку.

Линь Фэйжань покосился на лекарства. Хоть ему и не улыбалось принимать подачки от Гу Кайфэна, тело ломило так сильно, что терпеть больше не было мочи. Он вскрыл упаковки, выпил нужную дозировку, а затем послушно умял горячую пшённую кашу до последней ложки. Стоило ему закончить, как внутри мгновенно потеплело, блуждавший по жилам холод бесследно рассеялся. Линь Фэйжань утёр рот и блаженно провалился в сон.

Сколько он проспал, оставалось только гадать. Во всяком случае, когда Линь Фэйжань открыл глаза, в комнате уже погас свет. Снизу струилось мягкое сияние — судя по всему, Гу Кайфэн сидел на нижней койке и читал прикроватную лампу.

Линь Фэйжань приоткрыл глаза, сознание ещё не до конца вернулось к нему. Первой мыслью, промелькнувшей в голове, было то, что дедушка действительно умер, и от этой мысли сердце вновь кольнуло острой болью. Вторым осознанием стало то, что жар, судя по всему, спал: неприятные ощущения перед засыпанием практически полностью исчезли, голова больше не болела, температура упала, тошноту как рукой сняло. А слово практически означало лишь то, что крошечный ледяной сквознячок где-то в глубине тела всё еще давал о себе знать.

Линь Фэйжань не придавился этому особого значения, решив лишь, что лекарства, купленные Гу Кайфэном, оказались на редкость эффективными. Облизнув пересохшие губы и ощущая во рту ужасную сухость, он уже собирался приподняться, чтобы сделать глоток воды, как вдруг у самого уха раздался голос незнакомого мужчины:

— Эй, просыпайтесь все, ночь на дворе, давайте веселиться!

Линь Фэйжань от неожиданности вздрогнул всем телом и пружиной подскочил на матрасе. В этой комнате они жили вдвоём с Гу Кайфэном, откуда здесь взялся третий мужчина?!

Стоило Линь Фэйжаню сесть, как со всех сторон в комнате разом зазвучали четыре или пять чужих голосов, причём принадлежавших как мужчинам, так и женщинам!

— Ну всё, поднимайтесь уже!

— И надо же так рано всех будить…

— Луна уже давно светит в затылок, ленивцы проклятые!

Линь Фэйжань вцепился обеими руками в бортик кровати и высунул голову наружу… Каково же было его удивление, когда он обнаружил, что и без того не самая тесная комната набита людьми до отказа! Навскидку их там было человек четырнадцать-пятнадцать: кто-то стоял, кто-то сидел, а несколько человек и вовсе развалились прямо на полу!

http://bllate.org/book/22544/2381663